

УДК 39

А. Б. Островский
«Родной язык» как маркер
этнокультурной идентичности нивхов

Островский Александр Борисович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук, ost-alex@yandex.ru

В отношении родных языков коренных малочисленных этносов Севера на протяжении последнего столетия действовали две противоположные тенденции, организованные государством: 1) сужение сферы бытового функционирования; 2) филологическое изучение, создание письменных форм. В докладе рассматриваются результаты интервью, проведенных автором среди сахалинских нивхов в 2019 г. об актуальных способах восстановления у нивхов языка их предков. Делается вывод, что хотя нивхский язык уже не является родным для людей моложе 60 лет, владение им в любой степени считается ценным и служит несомненным маркером этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: КМНС, сахалинские нивхи, родной язык, маркер этнокультурной идентичности.

На протяжении последнего столетия языки российских коренных малочисленных народов Севера (КМНС) функционировали, как и прежде, в традиционном природопользовании и семейно-бытовом общении, однако под воздействием организованных государством

преобразований в этих сферах востребованность родного языка неизменно снижалась, и свободно владеющих им становилась все меньше. Свообразие этой общей тенденции для малочисленных этносов Сахалина определялось ускоренным темпом роста добычи угля и нефти, в связи с чем значительно увеличился приток пришедшего русскоязычного населения. Так, в местной печати – газете «Советский Сахалин» от 19 декабря 1930 г., – в статье, освещавшей «работу туземной культбазы в Ногликах» и первые успехи в ликвидации неграмотности, отмечалось, что район ее деятельности «оказался в индустриальном кольце. Гиляцкие поселения на побережье Охотского моря расположены на нефтеносных землях и чередуются с нефтеносными промыслами. В тайге же кочевые места оленеводов-охотников оказались в окружении лесозаготовительных участков. Рядом с нефтяными вышками и ударными темпами – первобытные юрты и патриархальный быт у камелька». К тому времени культбаза просуществовала уже год, в школе-интернате обучалось «вместе с русскими детьми около 60 человек», и решено было преобразовать школу первой ступени в семилетку¹.

Ограничения в традиционном природопользовании, проистекавшие из потребностей развития сырьевой промышленности, дополнялись постепенным (в течение 1930–1990-х гг.) переселением представителей КМНС из стойбищ в сравнительно крупные поселки и организацией «колхозов народов Севера»; дети таких колхозников в обязательном порядке «охвачены учебой и живут при интернатах» (из отчета Рыбновского райисполкома, 1939 г.)². Нарушалась органичная связь коренного населения с природой, а дети лишались регулярного общения, социализирующего воздействия на них родителей.

Плоды этих двух разделяющих устремлений должны были, по видимому, состоять в аккультурации представителей КМНС, овладении ими русским языком и на его основе – знаниями, навыками, образом жизни россиян в конкретную социалистическую эпоху. Вместе с тем, как бы по умолчанию, допускались и неизбежные утраты в традиционной культуре и языке – ввиду максимального ограничения сферы его свободного бытования и сужения контактов между поколениями.

Обратимся к интервью (проведенным автором среди сахалинских нивхов в 2019 г.), в которых говорится о непосредственной связи жизни в школе-интернате в 1960–1980-х годах с утратой родного языка. Такая тенденция наблюдалась на севере и востоке Сахалина.

«В 1960–70-х годах в школе-интернате учителя запрещали детям говорить между собой на нивхском языке, даже наказывали за это... Приходят дети с далеких стойбищ, совершенно не зная русского

языка, и надо пересадить их на русский язык. Поэтому запрещали говорить на родном языке. Те, что учились вместе с нами, язык не забывали, потому что возвращались в свое стойбище. А новые поколения – уже не знали» (инф. Бессонова Н. Г., 1946 г.р., пос. Некрасовка).

Ущербное положение, в которое был поставлен родной язык, сказалось и на внутреннем отношении молодежи к своей этнической идентичности.

«В школе-интернате нивхский язык – не в учебной сетке. Дети лишь номинально знают, что они являются представителями КМНС – нивхов, но в душе у них этого нет. Все было упущено уже в 1950–70-е годы, потому что детям в школе запрещали разговаривать на родном языке; и перед войной. Не власти, но негласно это было. Из поколения моих старших сестер 1930х годов рождения рассказывали, что детей ставили в угол на горох за то, что они между собой разговаривали на нивхском. А ведь в 1940–50-х годах дети, которых привозили из стойбища, не владели русским языком; их заставляли его осваивать, принудительно отучая от пользования родным языком. Поколение, рожденное в 1940-х – начале 1950х годов, в возрасте 15 лет и старше, стеснялись того, что они нивхи. Даже мое поколение: в 15–16 лет мы стеснялись, что мы – нивхи» (инф. Хурьюн А. В., 1957 г.р., пос. Некрасовка).

«В школу я пошла в 1957 году в Ногликах <...> нивхский язык уже не преподавался. Нас били, давали подзатыльник, чтобы забыли свой язык. Меня не били. Мой брат 1960 года рождения, его били за то, что говорил по-нивхски, а он мог разговаривать, когда пошел в школу, только на своем языке» (инф. Санги З. В., пос. Ноглики).

Вместе с тем, на протяжении того же времени наблюдалась и противоположная тенденция. Создавались – нередко на основе латиницы, а позднее русской графики – национальные алфавиты. С их помощью более точно записывались и публиковались фольклорные произведения; создавались научно выверенные грамматики национальных языков, а также учебники для изучения в начальных классах школы родного языка как письменного. Все это в совокупности, разумеется, не могло сделать органично сформировавшуюся бесписьменную культуру письменной, а могло лишь сделать ее объектом пристального филологического, этнографического изучения, а также естественно-исторической моделью для анализа способов перехода от некоей первобытности к социализму.

Нивхскому языку обучали не только в детском саду и начальных классах школы-интерната в местах проживания КМНС; его, как и многие языки северян, стали преподавать для подготовки учительских кадров на специально созданном в 1929 г. факультете

народов Севера при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г., свободно владели своим национальным языком 77,1% человек, по переписи 1989 г. – уже только 23,3% нивхов (совокупно – амурских и сахалинских) считали своим родным языком нивхский. По данным Всероссийской переписи 2010 г., из общего числа сахалинских нивхов – 2290 человек – свободно владеет нивхским, как они сами отметили, только 121 человек, то есть менее 5,3%. Довольно строгую и порой критичную оценку степени владения нивхским языком у тех, кто считает себя его знатоком, довелось мне услышать от В. М. Санги.

«Если [языковую] состоятельность человека обозначить как 100%, тогда Г. И. Паклина на 20% понимает, чувствует нивхский язык. Но это высокий процент, я так считаю, в наши дни безъязычия; Н. Я. Танзина – на 28–30%; В. Н. Сачгун – тоже около 30%; ее мать Палгук чувствовала на 70%, Хыткук, великая сказительница – на 80%, с ней я работал <...> Чем меньше люди знают свой язык, тем выше заявляют о себе. З. В. Санги плохо говорит на нивхском; Е. И. Вовкук знает на 8–10%. А. В. Хурьюн – еще меньше, на 5–6%...»

Нет оснований для комментирования этих оценок, высказанных в адрес конкретных знатоков языка. Отметим лишь, что и небольшой «процент» свободного владения родным языком, когда таковой есть и имеет возможность проявиться, – это всегда новое качественное состояние личности, сопровождаемое ощущением победы над забвением. Вот отрывок из беседы с А. В. Хурьюн, нивхой с Рыбновского побережья.

«С детства я считала, что не знаю нивхский язык. К нам много приезжало в гости, жили подолгу. Они все с моей мамой разговаривали по-нивхски. Я не разговаривала с ними, но понимала, о чем они говорят. Когда я приехала в Институт, Ч. М. Таксами мне что-то стал говорить, и я сделала для себя открытие, что я его понимаю и даже могу что-то сказать. Я поняла, таким образом, что знаю язык, только уже в Институте...»

Перейдем к раскрытию того, в каких направлениях в последние годы происходит возрождение интереса к «родному языку» – языку предков, языку нивхской ментальности. Нам удалось побывать на уроке нивхского языка, преподаваемого в начальных классах школы-интерната пос. Некрасовка. Учащиеся – а это были одни девочки – уверенно отвечали на вопросы, устные и письменные, своего педагога, Тубиной Т. В. Вот что она рассказала:

«Веду факультатив нивхского языка, преподаю уже 17 лет. Когда я только пришла в школу, мне предложили преподавать нивхский язык. У меня не было диплома по этой специальности, но желание

преподавать язык было. Не скажу, что его тогда знала. Честно говоря, до сих пор я учусь. Диплом переподготовки я получила только в прошлом году, в Хабаровске. Мои родители разговаривали по-нивхски, пока жили в своей семье – до 6 лет, а потом их забрали в школу-интернат. У них владение языком так и осталось на уровне 6-ти лет. Они использовали бытовые обороты речи в разговоре между собой, я запомнила. Когда я стала учиться в этой школе, нам в начальных классах преподавали нивхский язык.

С мужем общаемся только по-русски. Он моложе меня, его мама не знала нивхского языка, он не находился в нивхской языковой среде... Выпало целое поколение из обучения нивхскому языку. Люди младше 60 лет даже не слышали нивхский язык. Запроса обучаться языку у тех, кому 40–50, нет».

В отличие от Некрасовки, в пос. Ноглики взрослые нивхи, преимущественно старше 50–60 лет, уже в течение нескольких десятилетий проявляют устойчивый интерес к языку предков. При женском клубе «Нивхинка» (его курирует районный краеведческий музей) наряду с мастерицами вышивания, любителями народного музыкального искусства собираются и те, кто желает общаться на своем родном языке. Несколько лет назад в Ногликах благодаря помощи лингвистов из Финляндии удалось успешно внедрить методику обучения родному языку (точнее, его восстановления) среди взрослых – методике «родовых гнёзд». Об этом способе и, шире, самом движении по актуализации родного языка через регулярное общение в небольших группах рассказали Е. И. Вовкук, 1957 г.р., сотрудница районной администрации, и З. В. Санги, племянница писателя.

Е. И. Вовкук: «Благодаря Е. Ю. Груздевой у нас действует проект «родовые гнезда» – изучение родного языка. В Ногликах есть такая группа из 20–25 человек. Нам скоро – в 2020 году – будет 5 лет. Приобрели компьютерное оборудование. Занятие ведет З. В. Санги. Она прошла обучение – как учить родному языку. Мне произносить тяжело, но хорошо могу делать переводы; это у меня с детства получалось. Тетка моя говорила только по-нивхски, а когда шла в магазин, брала меня как переводчика. И старшие братья брали меня переводить. Я стеснялась, но переводы хорошо делала.

У нас с В. М. Санги натянутые отношения. Он какой-то категоричный, близко к себе не подпускает; считает, что только он один знает нивхский язык. Но у нас многие говорят на нивхском языке. Я, бывало, с Санги говорю по-нивхски, а он тут же переходит на русский, чтобы показать, что он единственный может говорить по-нивхски... Он недооценивает свой народ, а ведь он за счет народа только и живет».

З. В. Санги: «Мама – нивхка, папа – наполовину китаец, наполовину нивх. Мама и папа разговаривали в семье по-нивхски. У нас, детей, была няня; она находилась всегда с нами, когда родители уезжали на рыбалку. В семье мы все только по-нивхски говорили... Мой муж был нивх (рано умер), чистый нивх. Знал свой язык. Мы с ним говорили по-нивхски.

Я – лидер в своем родовом гнезде. В него входят и все мои сестры. При клубе «Нивхинка» собираемся мы, лидеры своих родовых гнезд. Собираемся в музее один раз в неделю. Читаем, пишем. Начали с того, что всех научили говорить о человеке – о лице, теле. Потом составляем из нескольких слов предложение. Потом – об одежде, затем – о пище, домашней утвари. Я взяла на себя ответственность, так как хорошо знаю свой язык. Правда, В. М. Санги говорит нам: «Вы ничего не знаете, вы глухие». Мы на него не обижаемся: он ученый, а мы – нет...

К нам пришла Т. П. Глушкова, она считала себя русской и раньше, в молодости, стеснялась своего происхождения: у нее отец нивх, мать – русская. Пока в школе училась и потом образование получила, всегда была русской. Когда вышла на пенсию, состарилась, пришла к нам. Ей понравилось. И законы о льготах коренным малочисленным народам выходят... Сейчас она упорно занимается нивхским языком, приобрела все словари. Сама может переводить. Она научилась, как нивхи, рыбачить, икру солить. Всегда приносит нам приготовленную ею икру; очень вкусно. Ничего не продает – нас угощает.

Мы участвуем в конкурсах в национальных костюмах, с нивхской речью (читаем стихи В. М. Санги), со своей национальной кухней».

Итак, можно заключить, что в определенных формах происходит актуализация нивхского языка – и как литературного (опубликована небольшая книга стихов В. М. Санги, печатаются на базе районной библиотеки в Ногликах записанные различными собирателями-нивхами фольклорные тексты, в основном, некогда услышанные от старших родственников), и как бытового. Язык преподается факультативно в начальных классах школы в нескольких поселках, а в Ногликах к нему проявляют живой интерес и взрослые старше 60 лет. Звучание и частичное владение языком своих предков осознается и переживается как несомненная ценность, пусть даже не как ключ к подлинному пониманию культуры, а скорее как окно, чтобы заглянуть в мир ее создателей.

При том что нивхский язык уже перестал быть родным языком для младшего и среднего поколений, он сохраняет свое качество быть одним из маркеров этнокультурной идентичности.

---

¹ Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945 гг.): Сб. док. и мат.-лов. Южно-Сахалинск, 1967. С. 209–211.

² Там же. С. 453–454.

UDC 39

A. B. Ostrovskii

„Native Language” as a Marker
of the Nivkhs Ethnocultural Identity

Ostrovskii Aleksandr Borisovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, research fellow of highest category, D. Sc. (Ethnology), ost-alex@yandex.ru

For the last century, two opposite trends, organized by the state, have been operating in relation to the native languages of the indigenous small-numbered ethnic groups of the North: 1) narrowing the sphere of everyday functioning; 2) philological study, the creation of written forms. The report examines the results of interviews conducted by the author among the Sakhalin Nivkhs in 2019 on current ways to restore the language of their ancestors among the Nivkhs. It is concluded that although the Nivkh language is no longer the native language for people under 60 years of age, possession of it, to any extent, is considered valuable and serves as an indubitable marker of ethnocultural identity.

Key words: indigenous minorities, the Sakhalin Nivkhs, native language, marker of ethnocultural identity.